

§ 2. Технологический аспект борьбы за новый мировой порядок: общие вопросы соперничества

1. Системные связи: технология – внешняя и внутренняя политика, геополитика. Развитие технологий и изменение политических целей. – 2. Технологии в информационных, тайных и гибридных войнах. Тайные, информационные и пропагандистские войны; Гибридная война как непрерывное и многоаспектное технологическое противостояние и соперничество. – 3. Технологии и международные отношения. Технологии в международных делах действуют в режиме нон-стоп; Международные отношения и организации как способ усилить (сохранить) технологическое преимущество

В этом параграфе представлены общие идеи о путях влияния технологий на баланс сил и мировой порядок. Будет показано многообразие направлений вовлечения технологий во внешнеполитическую активность, дано много конкретных иллюстраций того, что технологии буквально вездесущи. В данном параграфе будут показаны: а) связь между развитием направлений и их влиянием на внутри- и внешнеполитический курс ведущих и иных держав; б) влияние технологий на выбор направлений борьбы за сохранение/смену мирового порядка, изменение баланса сил. Это исследование опирается на концепции, изложенные в предыдущем параграфе (см. также: [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Grinin L. *et al.* 2024a]).

1. Системные связи: технология – внешняя и внутренняя политика, геополитика. Развитие технологий и изменение политических целей

С. Лем [1968] справедливо отметил, что чем эффективнее технологии выполняют задачи, для которых созданы, тем сильнее они обесценивают важность этих задач. Это глубокая мысль, она объясняет многие связи в обществе в плане влияния на него технологий. В частности, чем эффективнее технологии решают те или иные задачи, тем сильнее они меняют общество, его моральный и правовой уклад, последствия чего мы начнем осознавать далеко не сразу.

Используя эту мысль для объяснения изменения мирового порядка (и, соответственно, геополитики, внешнеполитических и связанных с ними задач и стратегий), можно обозначить следующие важные идеи:

1. Чем больше возможностей появляется у технологий, тем сильнее желание геополитических акторов использовать эти технологии для собственных целей: военных, внешнеполитических, разведывательных и иных. Так, до появления беспилотников уничтожение противников, находящихся вне пределов доступа, осуществлялось старыми средствами (образно говоря, кинжалом и ядом, но чаще путем подкладывания бомб или с помощью управляемой ав-

томобильной катастрофы), то есть достаточно сложными, дорогими и опасными для исполнителей способами. Беспилотники резко уменьшили безопасность лидеров в Афганистане, Пакистане, Ливане, Иране и других странах (см. подробнее в § 4 этой главы). То же касается и санкций на финансовые операции, которые стало намного легче осуществлять с появлением глобальной сети оптоволокон. Когда платежи шли по телетайпу, все было намного сложнее¹⁵².

2. Внедрение эффективных технологий существенно изменяет не только внешнеполитические возможности, но и сами эти отношения, как межгосударственные, так и внутригосударственные, а также отношения между различными акторами. Изменяется также баланс сил. До того как появилась возможность с помощью современных средств ИТК и ИИ следить (прослушивать, контролировать, отслеживать их финансовые операции через оптоволокон и т. п.) за политическими лидерами, европейские политики были гораздо более независимыми от США. Вспомним, что еще в 2003 г. Франция и Германия отказались поддержать США в их агрессии против Ирака. Чем сильнее европейские и иные политики оказывались «под колпаком» АНБ, тем сговорчивее и послушнее они становились. Разумеется, я не утверждаю, что технологии прослушивания и контроля сыграли ведущую роль в такой трансформации (этому было много причин), но указанная корреляция вполне очевидна¹⁵³. И такую связь можно проследить в отношении целого ряда технологий. Это, к примеру, не так давно введенные так называемые вторичные санкции против банков и корпораций, которые сотрудничают с Россией, поскольку, контролируя транзакции, несложно как отследить их отношения, так и ввести против них ограничения. Наконец, без соответствующего развития медицинских технологий по смене пола, естественно, роль трансгендеров в общественной и международной жизни не была бы столь высокой.

3. Появляются искушение, стратегия, желание: а) расширить применение такой технологии; б) усилить и, по возможности, увековечить отрыв в такой технологии, чтобы пользоваться ею возможно дольше, не позволяя использовать ее против себя. Сегодня мы видим это в отношении санкций и запретов на поставки чипов в КНР.

¹⁵² Как я уже указывал (глава 1, § 2), США имеют возможность контролировать не только огромную часть финансовых потоков в мире, но и основную часть финансовой информации, используя ситуацию, что большинство мировых оптоволоконных кабелей, по которым данные и финансовые сообщения передаются по всей планете, проходят через Соединенные Штаты. И там, где эти кабели выходят на берег США, Вашингтон практически контролирует их трафик (см.: [Farrell, Newman 2023]).

¹⁵³ Как говорит уже не раз цитировавшийся французский политолог Э. Тодд (см.: [Добров 2024а]), техника прослушивания и подглядывания шагнула далеко вперед, практически на каждого европейского политика, журналиста или бизнесмена имеется соответствующая база компромата. Для спецслужб испортить репутацию человека в медийном пространстве стало теперь довольно просто. Тодд ссылается на предоставленную бывшим сотрудником американских спецслужб Э. Сноуденом информацию, согласно которой слежка со стороны ЦРУ и АНБ ведется в первую очередь за видными представителями западной элиты. Словом, система внешнего контроля выстроена практически идеально, как это описал американский журналист Г. Гринвальд в своей книге «Негде спрятаться» [Greenwald 2024].

4. Соответственно, начинается мощная конкуренция за лидерство в той или иной ведущей технологической сфере. В период двуполярного мира во второй половине XX в. мы видели это, в частности, на примере борьбы ядерных и ракетных технологий (гонка в ракетных технологиях, впрочем, активно продолжается и сегодня).

5. Наконец (но не последнее), чем активнее внедряются в жизнь те или иные новые технологии, тем обширнее могут быть возможности и, соответственно, тем больше желание изменить внутреннюю и внешнюю политику, институты и т. п.: а) для подрыва прав и свобод (сегодня это становится уже обыденным выводом в отношении ИИ, который неустанно следит за всеми); б) изменения общественных отношений; в) смены ценностей и т. п. (плюс навязывание новых ценностей, если это входит в стратегию влияния на другие страны).

Технологические волны. Как мы уже говорили, появление новых технологий может происходить в рамках технологических революций и волн. Количество и потенции новых технологий в этом случае резко возрастают, а вместе с этим возрастают и ожидания от технологий. Это существенно влияет на отношение к технологическому развитию, планирование и изменение стратегий. Чем более развиты технологии в разных сферах, чем плотнее технологическая волна, тем сильнее одни технологии могут влиять на другие даже в далеко не смежных сферах, создавая новые технологические симбиозы, которые способны дать неожиданный и мощный импульс. При этом влияние одних технологий может повлиять на крайне важные для военных и геополитических целей сферы и производства. Быстрое развитие отрасли сжиженного газа неожиданно оказывается очень важным для космической сферы. Так, в современной космической гонке идет модернизация двигателей. При этом российские космические руководители хотят сменить (или, по крайней мере, диверсифицировать) вид космического топлива. «Тот вид горючего, который там предполагается использовать, – сжиженный природный газ – имеет лучшие характеристики для полетов возвращаемой ступени, и цикл подготовки значительно ниже, чем, скажем, у ракет, которые используют классические компоненты ракетного топлива», – объясняет, например, бывший глава Роскосмоса Ю. Борисов [Юрий... 2024].

Естественно, что развитие технологий и развитие экономики, а также поддержка (поддержка, возможность иметь политическую опору и т. п.) очень тесно связаны. Недаром развитие военных технологий всегда было очень важной частью промышленно-экономической политики государства и его международной экономической политики. Сегодня мы наблюдаем, как военные действия на Украине влияют на экономический (и технологический) рост в РФ и США, а также – хотя и в меньшей степени – на европейскую промышленность. Развитие Ираном военной промышленности помогает ему переживать санкции. Таким образом, зачастую крупные военные программы на самом деле оказываются замаскированной политикой стимулирования промышленности; ярким примером этому служит стратегическая оборонная иници-

циатива Рональда Рейгана «Звездные войны». Аналогом этого является план Комиссии ЕС по значительному увеличению инвестиций в оружейную промышленность [Дель Корно 2024]. Очевидно, что экономические возможности и объем ВВП – это всегда мощное оружие в международной политике (см. ниже).

Таким образом, связь между технологиями и борьбой за новый мировой порядок (а также за удержание лидерства в рамках старого) очень тесная, порой достаточно очевидная, порой эта связь становится видной только спустя определенное время.

Медицина. Однако в принципе любая технология может стать орудием политической борьбы, в том числе за мировой порядок. Рассмотрим это на примере медицины. Казалось бы, как может медицина быть орудием политической борьбы, и тем более борьбы за мировую гегемонию? Однако может. Ранее для этого использовали психиатрию и соответствующие фармацевтические разработки, активно используют и сегодня. В годы войны на людях ставили медицинские опыты. Но все это бледнеет перед могуществом глобалистов, левых, медицинской и фармацевтической мафии («Большой фармы»). Операции по смене пола стали масштабным способом влияния на общество. Трансгендеры проникают везде, претендуя на лучшие места, в том числе и в руководстве армией, внешней политикой и т. п. [Donnelly 2023]. Медицина давно идет по пути увеличения власти врачей, медицинской диктатуры. Ковид показал, что она может использоваться для попыток установить мировую гегемонию [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021д; 2022д; Grinin L. *et al.* 2024a: Ch. 14; о медиализации см.: Conrad 1992; 2005; Illich 1975; Юдин 2008; Moynihan *et al.* 2008; Blasco-Fontecilla 2014; Grinin L. *et al.* 2024a: Ch. 8, 9]. Ковид также показал остроту соперничества за биомедицинские технологии, в частности антиковидные вакцины (при этом российский «Спутник» всячески третировался). Наконец, представьте ситуацию, когда санкции будут наложены на поставку лекарств (с учетом направления, в котором движется мир, это вполне возможно). Являясь абсолютно недопустимой и антигуманной, эта мера, однако, могла бы оказать исключительно сильное влияние на соперников. Естественно, что в случае широкомасштабных военных действий такая мера частично может быть реализована. Медицинские и репродуктивные технологии становились и могут в будущем стать орудием в геополитической и иной борьбе либо возможностью для распространения собственных идей и усиления влияния на другие страны¹⁵⁴.

Контрацепция, как известно, с 1960-х гг. привела к резкому изменению демографического баланса. Это, кстати, хороший пример навязывания технологий и их использования для усиления влияния западных стран (а также глобалистских организаций) в развивающихся странах, причем политика активной пропаганды и мер в плане сокращения рождаемости проводится очень активно и сегодня (особенно в странах Африки). В целом же, поскольку про-

¹⁵⁴ В некоторых случаях, например в арабо-израильском конфликте, демографический его аспект стал очень важным и всемирно известным. Подробнее об этом см. в главе 4, § 1.

паганда планирования семьи все же особенно преуспела на Глобальном Севере, демографическая технология в итоге привела к формированию глобального противостояния молодого Юга и пожилого Севера. О таком противостоянии и его влиянии на будущие мировые конфликты см.: [Фукуяма 2004; Powell, Khan 2013; Goldstone 2015; Goldstone *et al.* 2015; Haas 2015; Global... 2016; 2018; Fichtner 2018; см. также: Grinin *et al.* 2024a: Ch. 7].

Наконец, биотехнологии, медицина и биооружие становятся все более плотно связанными. Пример с коронавирусом, когда SARS-CoV-2 оказался выпущен из секретной лаборатории в Ухане, во всей полноте доказал это. При этом ярко обрисовалась и обратная связь. Именно ковид на время вывел медицину в центр общественной жизни, дал ей довольно сильный импульс к развитию и, по нашему мнению, это ускорит наступление завершающей фазы кибернетической революции [Grinin L. *et al.* 2021c]. Наконец, медицина – это влияние на ВОЗ и другие международные организации, с помощью которых можно существенно усилить свое влияние и на оппонентов, и на другие страны, например африканские¹⁵⁵. Медицина – это и возможность использовать фальшивые, или фейковые, технологии, особенно вакцины, но также хирургические и иные медикаментозные воздействия (в том числе операции по смене пола). Это и влияние, и огромные средства, и возможность увеличить вес своих фармацевтических компаний, и способ воздействия на подрастающее поколение в разных странах, и мн. др. Медицина – это и сильное влияние на демографию, начиная с евгенических практик и заканчивая развитием эвтаназии (о последней см.: [Grinin L. *et al.* 2024a: Ch. 7])¹⁵⁶. Можно вспомнить о внедрении противозачаточных технологий, которое продолжается уже более 60 лет. При этом иногда использовались весьма варварские методы химической или физической кастрации.

Неэффективные технологии. Выше мы сказали о сфальсифицированных, фейковых технологиях. К ним же следует отнести и неэффективные, но активно навязываемые. Таким образом, развитие определенных технологий может оказывать негативное влияние на общество, особенно если их продвиже-

¹⁵⁵ Есть авторитетные высказывания о том, что раздувание истерии вокруг СПИДа в Африке служит главным образом интересам фармацевтических компаний, а также расширению влияния на африканские страны. Дорогие лекарства далеко не всегда нужны. Французский доктор Люк Монтанье – лауреат Нобелевской премии по медицине 2008 г. за открытие вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) – высказался за то, что вакцины не нужны, он ратовал за питание и микроэлементы в борьбе с ВИЧ. Л. Монтанье поясняет, почему пренебрегают более простыми, естественными и дешевыми методами. Люди всегда думают о лекарствах и вакцинах, потому что на правильном питании заработать сложнее [HIV/AIDS... 2017]. О том, как раздувают истерию и стараются преувеличить число зараженных СПИДом в Африке, открыто рассказал в своей автобиографии Кэри Муллис – американский биохимик, создатель метода ПЦР, лауреат Нобелевской премии по химии 1993 г. [Mullis 2000].

¹⁵⁶ Число умерших посредством эвтаназии в Канаде в 2022 г. достигло 13 500 человек, процент таких смертей в общей численности всех смертей составил 4,1 %, а в Квебеке даже 7 % [Reinl 2023]. В 2023 г. число смертей от эвтаназии продолжало нарастать стремительными темпами (16 %), достигнув 15 тыс. за год [В прошлом... 2024]. Это уже серьезно. Практика добровольного ухода из жизни растет количественно и распространяется на новые группы населения, а также новые страны, например Великобританию.

ние проводится искусственно, вопреки показателям эффективности. В советское время многие сельскохозяйственные технологии не давали нужного эффекта из-за идеологических установок на коллективное сельское хозяйство, а порой и вели к падению продуктивности.

Мы писали в 2021 г.: «Длительное время действовало правило – кто впереди по технологиям, производительности труда, объему производства, темпам роста, динамичности, тот и лидер, на ту систему и надо равняться. Смена лидера вызывала очень серьезные изменения в Мир-Системе, это получило название “циклы гегемонии”» [Арриги 2006; 2009; Модельски 2005; Модельски, Томпсон 1992; Modelski 1987; Modelski, Thompson 1996; Chase-Dunn, Podobnik 1995; см. о них также во Введении]. И социализм потерпел поражение в соревновании с капитализмом именно по причине отставания от последнего в технологиях, что привело к резкому снижению темпов роста ВВП. В настоящее время эти параметры лидерства у Запада ослабевают. В результате без ориентира на рост их общества ожидает глубокий внутренний кризис. Сначала он затронет (и уже очень существенно затрагивает) европейские общества. А если США так же будут жертвовать эффективностью ради идеологии, то, безусловно, затронет и США» [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021д].

Для объяснения вышесказанного следует вспомнить, что теперь происходят удивительные вещи. Используя всю свою мощь, государства и надгосударственные организации внедряют зеленые электрические технологии и транспорт, которые явно уступают по производительности существующим. Внедряют по идеологическим соображениям, за которыми стоят гигантские финансовые интересы. Однако отметим: именно финансовые, а не производственные и экономические [Там же]. Понятно, что совсем непросто внедрять менее эффективные технологии. Для того чтобы удержать эти тренды, пытаются перекроить идеологию в разных странах и создать мировую идеологию (насадив ряд новых мифологем), а также трансформировать национальные цели государств (и, соответственно, их суверенитет), прежде всего их экономическую политику, заставляя, в частности, искусственно развивать дорогостоящую и неэффективную возобновляемую энергетику, производство электромобилей и пр. Но с эффективностью технологий спорить очень трудно. И, более чем вероятно, все триллионы долларов мировых финансистов и политиков окажутся (собственно, уже оказались) бессильными перед упрямыми фактами слабой эффективности зеленых технологий. Удивительно, что зеленый тренд начинает губить и высокопроизводительное европейское сельское хозяйство, поскольку фермеров заставляют снижать использование удобрений и химикатов, повышают налоги за их использование. Это вызывает очень активные фермерские протесты и грозит дефицитом продовольствия (см.: [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2024]).

Таким образом, попытки внедрить менее эффективные технологии по неэкономическим причинам могут существенно сказаться на устойчивости обществ и, соответственно, повлиять на баланс сил. То, что определенные технологии и связанные с ними проекты могут уничтожить общество, известно

еще с далеких времен Древнего Египта, оставившие восхищающие нас фантастические по тем временам сооружения. Однако строительство гигантских пирамид фараонов IV династии Хеопса, Хефрена и Микерина (XXVII–XXVI вв. до н. э.) привело к истощению страны и, по некоторым сведениям, к восстаниям. Поэтому пирамида первого фараона новой V династии была уже намного меньше. Кроме того, продвижение этих технологий очень тесно связано с социальными фильтрами и лифтами, в результате чего принцип меритократии (оценки по личным и профессиональным качествам) перестает действовать, что ведет к деградации общества, военного, государственного и в целом управленческого слоя, а значит, и к ослаблению способности к борьбе за мировой порядок. «Эта гниль распространилась даже на западные оборонные ведомства и разведывательные службы. Одержимость НАТО и вооруженных сил США борьбой с изменением климата и белым национализмом граничит с безумием в то время, когда растет массовая обеспокоенность падением их боевых возможностей, начиная от снижения качества самих войск и заканчивая ухудшением военно-промышленной базы, которая их поддерживает», — с негодованием пишет искренний патриот США, который еще верит, что упадок Америки не является необратимым процессом [Kotkin 2024a].

2. Технологии в информационных, тайных и гибридных войнах

Выскажем несколько важных идей, которые должны показать исключительно важную роль технологий в геополитической и иной борьбе. Надо помнить, что, хотя мы живем в очень технологичном обществе, однако в дальнейшем этот процесс будет только развиваться и технологии опутают наши самые рутинные действия, преломляя наше поведение через свои технические особенности. И в области управления, администрирования и взаимоотношений правительств и населения роль технологий возрастет неимоверно. Соответственно, почти нет сферы, где роль технологий не росла бы сегодня, и тем более не предполагался ее рост в перспективе.

2.1. Тайные, информационные и пропагандистские войны

Технологии как способ внедрения, укрепления и развития агентуры и агентов влияния и борьба с чужим. Нет смысла говорить о важности агентурной борьбы государств и в мирное, и тем более в военное время. Здесь мы только укажем на военно-промышленный шпионаж, который существовал всегда и роль которого трудно переоценить для СССР, современного Китая, а также для других стран. Для поддержания своей агентуры государства используют самые разные способы передачи денег, не подлежащих идентификации (в настоящее время — криптовалюта), информации, деструктивных средств, оружия и т. п. для различных НКО, групп, подготовки подрывных элементов. Перевероты и цветные революции всегда готовят, организуют и осуществляют не только с помощью организационно-политических технологий, но и с помощью технических. Любая инновация, которая облегчает развитие таких агентур, может стать решающей.

Убийства политических и военных оппонентов во враждебных странах или организациях – это постоянное явление, которое всегда связано с развитием технологий. В следующем параграфе мы будем говорить об этом в связи с применением БПЛА. Но в этом направлении технологии не стоят на месте. Массовое применение Израилем взрывчатки в аккумуляторах пейджеров и других средств связи против «Хезболлы» стало с точки зрения реальности террористическим действием невиданного масштаба и нарушением международных конвенций [Никола 2024], но с точки зрения темы этого параграфа оно показывает роль технологий в борьбе за победу и баланс сил (указанная диверсия, в частности, повлияла на коллапс режима Б. Асада в Сирии). Кроме того, отметим, что каждая такая военно-террористическая инновация очень сильно влияет на обычную жизнь, степень строгости контроля (например, в аэропортах). Теперь это может влиять на резкое усиление контроля за батареями и производством средств связи.

В ходе украинско-российских военных действий стала массовой практика вербовки агентов и исполнителей (например, так называемых поджигателей) через «Телеграм» и другие социальные сети. Также стоит упомянуть о массовой кампании мошенничества через всякого рода мессенджеры и средства связи, едва ли не основная часть которой организовывается украинскими СБУ и другими службами. Все это тоже важные штрихи, показывающие влияние технологий на борьбу на разных уровнях и то, насколько технологии способны облегчить и расширить вербовку агентуры и другие операции.

Информационные и пропагандистские войны – это сочетание психологических, культурных, интеллектуальных и технических технологий. С помощью радио США очень значительно повлияли на умы советских людей. Сегодня возможности создавать фейки, цензурировать, искажать смыслы через поисковики, социальные сети, ИИ оказывают непрерывное воздействие как на свою, так и на чужую аудиторию. Например, во время таких инцидентов, как сбитие пассажирского малайзийского самолета в 2014 г., для «доказательств» причастности к этому России использовались самые различные фейковые снимки и т. п. В свою очередь, в США и Европе идут постоянные жалобы на передачи Russia Today, которые пытаются запретить. Следовательно, это эффективная пропаганда. Сегодня и Россия, и Украина ведут очень агрессивную информационную войну, пожалуй, войну нового типа, когда целенаправленный поток информации предназначен одновременно и для собственного, и для вражеского населения (за счет общего языка и культуры). По мнению некоторых аналитиков, Россия имеет в этом преимущество, поскольку в ходе СВО первой поняла это и сделала главным инструментом пропаганды сотни телеграм-каналов, каждый из которых ориентирован на свою аудиторию. Естественно, что в основе такой возможности лежит особая ИТ-технология. И с ней начинают бороться разными способами. Включая аресты и уголовное преследование, как мы видим, в отношении владельца «Телеграм» Павла Дурова. Однако контрдействия против пропаганды также опира-

ются на технологические возможности: глушить радио, замедлять YouTube и т. п.

Влияние на собственное население. Это, казалось бы, внутреннее дело, однако чем сильнее режим может влиять на собственное население в нужном ему ключе, тем крепче его тыл в геополитической борьбе¹⁵⁷. Ведь в жестоком соперничестве и тем более войне тыл и фронт – это одно целое. В частности, развитие информационных технологий дает нам отличную позицию для наблюдений за тем, как эти технологии используются в целях укрепления режима¹⁵⁸, прежде всего внутри обществ. Но с момента их появления, уже с началом книгопечатания, они стали и орудием международной борьбы, в том числе в виде печатания фальшивых денег.

2.2. Гибридная война как непрерывное и многоаспектное технологическое противостояние и соперничество

Технологии непрерывно оттачиваются и совершенствуются в самых разных сферах. Гибридная война – это в настоящий момент перманентное состояние в геополитическом противостоянии, она идет на всех уровнях и во всех сферах. О гибридных войнах пишут немало, но реже говорят о ее технологических аспектах. Между тем в условиях гибридных войн могут быть использованы любые технологии, в том числе и комбинированные (например, пропагандистские и технические, новый искусственный интеллект – прекрасный тому пример). С 1990-х гг. спецслужбы активно используют интернет-технологии, в том числе вирусы, обвиняя в их распространении мифических хакеров. Применение цифровых технологий стало настолько массовым, что сложно даже указать область, где они не используются для гибридной войны.

Цензура с помощью специальных алгоритмов очень показательный пример, когда такие технологии используются и внутри государства, и для борьбы с другими странами, и для собственной защиты в этой борьбе. Информационные технологии, как уже сказано, в сочетании с иными – реальная возможность организации цветных революций. **Таким образом, мы видим симбиоз различных технологий и целей. А технологические инновации действуют в комплексе с технологиями иной природы, образуя инновационную комбинированную технологию.** Хотя журналистика всегда служила большому бизнесу, правительствам или иным силам, возникновение циф-

¹⁵⁷ Неудивительно, что радио очень быстро было внедрено в 1920–1930-е гг. в СССР, Германии и других странах. И если в США радио в это время прежде всего было развлекательным коммерческим предприятием, то в СССР – мощнейшим средством влияния. То же касается и кино, которое В. И. Ленин недаром называл важнейшим искусством. Нет нужды говорить о роли телевидения и других средств информации. В то же время магнитофоны оказались разрушительным техническим средством для СССР, так как чужая музыкальная культура прорывалась в страну именно через эту технологию.

¹⁵⁸ Большую роль играют информационные технологии в революциях, в том числе и в современный период (см.: [Гринин Л. Е. 2017; Grinin L. 2022a]). А поскольку в последние десятилетия США стали чрезвычайно активно влиять на другие страны путем цветных революций, это, конечно, крайне немаловажно. Например, революционный эпизод в Молдове был назван «твиттерной революцией» [Tkachuk et al. 2022].

рового формата и большие потери в плане рекламы (ранее СМИ были основной рекламной площадкой) ведут к еще большей ее зависимости [Farhi 2024]. Иногда говорят, и это имеет смысл, на мой взгляд, о когнитивных войнах как части информационных и в целом гибридных [Kefeli 2020; Kefeli *et al.* 2025]. Уже есть и предложения для НАТО по созданию «когнитивных организаций» [Idem 2024]. Их теоретики считают, что когнитивная война «преследует две отдельные, но взаимодополняющие цели: дестабилизация и влияние... Цели атак когнитивной войны могут варьироваться от целых групп населения до отдельных лидеров в политике, экономике, религии и академических кругах» [Bernal *et al.* 2020].

Гибридная война – это также использование технологий в финансовой сфере, в анализе информации, в слежке за теми или иными заметными людьми с целью заставить их служить своим интересам, это отслеживание научных или иных достижений, скупка технологических предприятий и многое-многое другое, включая диверсии, поддержку оппозиции, террористических групп. Это также дезинформация и фейковые новости, проведение информационных и пропагандистских кампаний (вспомним кампанию со Скрипалями или обвинение Д. Трампа в связях с Россией). Это также цветные революции, для проведения которых, как сказано, необходимы технологии [Манойло 2015]. Наиболее опасна гибридная война, конечно, в сочетании с ведением реальной войны или активной поддержкой противной воюющей стороны. Именно такая война развернулась с 2022 г. В ней интенсивно применяются разнообразные технические средства, включая спутники, средства связи, военно-воздушную разведку и прямые поставки вооружения. Однако нередко гибридная война ведется вообще без каких-либо военных действий [Marton 2018]. Она просто является формой сосуществования конфликтующих и соперничающих государств. Гибридная война также может быть реальной прокси-войной или «войной по доверенности нового типа» [Кашин, Сушенцов 2023], которую сейчас и ведут в отношении России на Украине США, а также европейские страны.

Таким образом, участие технических технологий в борьбе за изменение баланса сил и за новый мировой порядок: а) распространяется на самые, казалось бы, малозначительные вещи; б) состоит в поддержании статус-кво; в) расширяется до мир-системных масштабов, и – что особенно важно – *она гораздо шире, чем обычное представление о соперничестве в области вооружений. При этом многие изменения являются вторичными, третичными и далее в отношении первичных целей тех, кто начинал их или задумывал. И это очень важно, так как цепочка последствий у технологических изменений очень длинная, при этом постоянно формируются новые звенья (то есть новые последствия, о которых никто не думал и которые никто не мог предсказать)*¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Кто, например, мог подумать, что увлечение электронными играми может готовить молодежь (а теперь уже и зрелых людей, так как история таких игр уже насчитывает более 40 лет) к управлению боевыми беспилотниками, когда и БПЛА толком еще не было?

3. Технологии и международные отношения

3.1. Технологии в международных делах действуют в режиме нон-стоп

Поскольку международные отношения есть непрерывный процесс сосуществования государств и их агентов (а также их частей, регионов и т. п.), постольку соперничество, борьба, комбинирование и прочее всегда есть часть процесса этого сосуществования. А следовательно, конкуренция, слежка, шпионаж, дезинформация, те или иные кампании, попытки навредить и прочее имеют место всегда, ежедневно и ежечасно. И это неизбежно происходит с помощью технологий, а часто (поскольку не хватает людей, возможностей и т. д.) почти исключительно с их помощью. Возьмем разведку и контрразведку. Здесь технические инновации стоят на почетном, если не на первом месте. Подслушивание, кража чужих секретов, слежка и т. п. немыслимы без техники и постоянного ее развития. При этом техника работает двадцать четыре часа семь дней в неделю (или готова заработать в любой момент, если включается на звук или движение), например записывая переговоры или видео. Спутники постоянно передают информацию, дата-центры постоянно ее получают и т. п. Здесь представлено огромное многообразие технических средств. При этом одна из задач разведки, как уже было сказано выше, – промышленный и технический шпионаж, точнее, воровство чужих технологических достижений с целью внедрения их у себя в том или ином виде. А задача контрразведки, соответственно, не допустить этого. Идет постоянная технологическая гонка. С учетом же того, что дипломаты по большей части являются разведчиками, деятельность посольств, консульств, атташе и пр. также связана с использованием технологий – как для получения данных, так и для защиты собственных секретов¹⁶⁰.

3.2. Международные отношения и организации как способ усилить (сохранить) технологическое преимущество

Возглавить контроль, переиграть противника в договоренностях или сделать так, чтобы контроль не работал. Важнейшим полем контактов, попыток усилиться за счет других, соблюдения или изменения баланса и т. п. являются переговоры об ограничении, нераспространении, контроле над какими-либо технологиями¹⁶¹. При этом не только военными, но и, например, атомными, энергетическими или недавно появившимся искусственным интеллектом. Таких соглашений много, какие-то из них играют важную роль в

¹⁶⁰ В связи со сказанным о роли технологий в разведке стоит упомянуть недавнюю книгу Э. Б. Зегарт под названием «Шпионы, ложь и алгоритмы» [Зегарт 2024]. Она во многом посвящена адаптации работы американской разведки к эпохе цифровых технологий. В частности, автор считает ключевым вызовом для разведывательных структур в XXI в. – киберугрозы и потенциал их использования в разведывательных целях.

¹⁶¹ Стоит упомянуть, что военные секреты похищают не только у соперников, но и у союзников. Так, предполагают, что Израиль похитил секрет ядерной бомбы у США, а КНДР – у СССР или Китая. Сам же Китай, по-видимому, украл эту технологию у СССР.

уменьшении международной напряженности, загрязнения окружающей среды и т. п. Из других выходят, либо их нарушают, либо соглашения модернизируют. Прежде всего такие действия, конечно, зависят от того, насколько та или иная страна преуспела в развитии определенных технологий, насколько обогнала соперников. Естественно, что все это облекается в идеологические и пропагандистские одежды, начинаются обвинения в агрессии, несговорчивости, развязывании гонки вооружений или технологической гонки и т. п. Этот аспект сам по себе достоин исследования, но в настоящей работе мы можем лишь упомянуть о нем. Для контроля за исполнением договоренностей также нужны специальные технологии (например, способные распознать подземный ядерный взрыв, видеть, что делает оппонент, и т. п.).

Борьба за то, чтобы некоторые страны не могли овладеть определенной технологией, особенно атомным или ядерным оружием, становится стержневой в политике. Так, сначала США активно пытались воспрепятствовать появлению ядерного оружия у Индии и Пакистана, а примерно с 2011 г. (вот уже более 10 лет) вопрос о том, чтобы не допустить создания ядерного оружия Ираном, является одним из ключевых во внешней политике не только США, но также Израиля и европейских стран. В процесс переговоров была вовлечена даже Россия. В то же время США фактически закрыли глаза на появление атомного оружия у Израиля, причем такое обладание даже не обсуждается открыто, не говоря уже о том, чтобы обсуждаться официально. Во время военных действий передача и похищение военных и иных секретов становятся крайне интенсивными. А в условиях гибридной войны, в которой оказалась Россия, последняя в сфере военных секретов вынуждена сотрудничать с Ираном и КНДР. Официальных подтверждений, конечно, нет, но активизация Северной Кореи в плане запуска спутников говорит о многом. Кроме того, такое сотрудничество с некоторого времени развивается на основе стратегических договоренностей.

Нередко регуляция международных отношений в сфере технологий передается в руки международных организаций. США всегда стремились поставить эти организации под свой фактический контроль. Пример с энергетическим агентством МАГАТЭ – вполне репрезентативный. МАГАТЭ нередко используется именно как структура, исполняющая указания США. Так было с иранской ядерной программой и контролем над ней. Так же было и с Запорожской АЭС, которую Украина обстреливала, и в других случаях.

Однако нередко идея контроля обсуждается, но фактически для страны, преуспевшей в той или иной технологии, он нежелателен, и тогда его заменяют имитацией этого процесса. В отношении искусственного интеллекта, судя по всему, пока так и происходит.

В нашей статье [Гринин Л. Е. и др. 2023: 26–27] мы указывали, что бурное развитие технологий ИИ, безусловно, требует различных ограничительных мер, которые, к сожалению, сильно запаздывают. Тем не менее в конце июля 2023 г., вскоре после появления ChatGPT и других подобных генеративных ИИ, Совет Безопасности ООН провел заседание на тему «Искусственный ин-

теллект: возможности и риски для международного мира и безопасности». На нем Генеральный секретарь ООН поддержал призывы ряда стран-членов к созданию в рамках всемирной организации нового органа по вопросам ИИ, который бы способствовал устранению будущих угроз, а также установлению и реализации выработанных на международном уровне механизмов мониторинга и контроля. Конечно, такой орган будет полезен. Но с учетом того, что наиболее сильные государства стремятся максимально использовать генеративный ИИ для контроля, разведки и военных целей, его возможности на фоне секретности и возрастающей конкуренции государств в плане максимально быстрого создания все новых и более мощных ИИ, очевидно, будут невелики. Тем более при президентстве Д. Трампа. О том, что разные страны стремятся использовать рост могущества ИИ в политических целях, свидетельствует, в частности, заявление главы британского МИД об искусственном интеллекте, который должен поддерживать свободу и демократию (что на практике означает – использоваться в борьбе против геополитических соперников). В ноябре 2023 г. прошел глобальный саммит по безопасности ИИ в Лондоне. Как и можно было предположить, этот форум стал очередной попыткой коллективного Запада обойти ООН и другие универсальные структуры, то есть продолжить путь к подрыву миропорядка [Смирнов, Кохтюлина 2023].

И это также показывает, что «Большая семерка» (G7) стремится объединить свои усилия в плане контроля над растущим генеративным ИИ. Тем не менее нельзя не отметить, что именно парламент Евросоюза принял первый в мире закон об искусственном интеллекте [Deutsch 2024].

Мы также писали: «В то же время существуют могущественные силы, которые хотели бы использовать ИИ не просто для поддержания своих выгод, но для того, чтобы радикально переформатировать общество, поставить его под полный контроль и подорвать возможность всякой оппозиции. Недаром гуру высоких технологий и “пророки” Силиконовой долины создают новый универсальный нарратив, который узаконивает власть алгоритмов и Big Data. В результате они смогут наделить властью “Большого брата”, предоставив алгоритмам право принимать самые важные решения в жизни людей. Эта цель – отобрать у человека право принимать самые важные (и не только) решения в своей жизни и передать его искусственному интеллекту (см. философское эссе с описанием и апологетикой такой идеологии: [Harari 2016]) – и является мечтой глобалистов, политиков и финансовых воротил. Но “передать это право ИИ” в реальности означает, что данная группа сверхмогущественных людей стремится узурпировать право навязывать человечеству свои цели» [Гринин Л. Е. и др. 2023а: 26–27].

Российское дипломатическое ведомство также могло бы усилить работу в области контроля и ограничения, единых правил технологического развития ИИ (по крайней мере, на тех площадках, где это возможно), тем более в условиях, когда Д. Трамп и его команда вообще пытаются снять всякие ограничения на развитие ИИ.

Таким образом, мы видим, что технологии, во-первых, многообразны, а во-вторых, вездесущи, и мы наблюдаем их ежедневно. При этом они являются важной или даже важнейшей частью огромной системы международного явного и тайного, официального и кулуарного, дружественного и враждебного, коллективного и индивидуального международного взаимодействия на всех уровнях. Правительства, различные правительственные и околоправительственные органы, а также иные акторы постоянно стремятся к достижению каких-то целей, среди которых стремление к улучшению своего положения, к достижению превосходства над соперником, к укреплению своих слабых мест и дальнейшему ослаблению таких мест у соперников, приобретению центрального положения в какой-то системе и т. п. И технологии играют в этом очень важную роль. В итоге возникают тренды, которые постепенно меняют положение различных акторов в лучшую или худшую сторону. Технологические прорывы в этом случае могут сыграть огромную, порой решающую роль. Но хотя изменение баланса сил – небыстрый и нечастый процесс, по степени влияния в нем технологии занимают одно из главных мест; в случае войн – главное. Далее изменение в балансе сил ведет через сложные процессы к созданию нового мирового порядка, во время становления которого технологии играют не менее важную роль.

Таким образом, технологический аспект борьбы за новый мировой порядок исключительно важен, он многообразен, тесно связан с другими аспектами, измерениями и направлениями. Только правильная общая стратегия, включающая в себя различные аспекты, опирающаяся на передовые технологии и прогноз появления новых технологий, способна помочь занять достойное место в новом мировом порядке. В следующем параграфе мы поговорим об отдельных направлениях технологического измерения.